

ЗАЙЦЫ-КРОЛИКИ

У всех ребят на деревне деды, как деды: у Кольки – Пётр Фомич, у Никитки – Митрий Лексаныч, а у Василька – Айбалитыч. Парнишка даже и не знал поначалу обижаться на дедовскую кличку или гордиться ею.

На самом деле Васиного дедушку зовут Макар Ипполитыч. До ухода на пенсию он ветеринарствовал в колхозе. Меткий на язык пастух Пушай обронил, как бы ошибся, вместо Ипполитыч – Айболитыч, доярки, тут же подхватили новинку и разнесли по соседкам. Теперь уж и позабыли настоящее имя Василькова дедуни. С лёгкой руки Пушай - Айболитыч да Айболитыч.

Дедушка и впрямь похож на книжного доктора Айболита. На голове, будто выбеленный метелями ржаной стог, серебристая копна. Под цвет её и борода. Только не клинушкой, как нарисовал в библиотечной книжице художник, а аккуратная, кругленькая. Не колючая, ласковая. И ходит он во дворе по старой привычке в подсиненном бабулей халате: то пчёлам рамки ставит, то вчера, к примеру, привела Захаровна свою козу Глашку – рог повредила, дедуня возился с ней. Намазал какой-то вонючей мазью, забинтовал, подвязал хворый рог к здоровому, проложив меж ними ракитовую палочку - закрепил. Приказал с такой короной Глашку в стадо не пускать, под горой на привязи попасти, пока рог не заживёт.

Не проходило дня, чтобы на двор не заглядывали по какой-нибудь «животной» нужде односельчане. Бабуля ворчала, но знала: колхоз «сгикнул», специалисты поразбежались.

- Не к кому податься акромья мово Макарушки, - понимающе приговаривала она, «ассестируя» дедуне: то водицы вскипятит, то придержит соседского щенка Полкашку. - Нахватал клещей шибутной, валандайся с ним теперя!

Василёк всю живность местную знал наперечёт. Кто только не побывал на их подворье! Кому только не помогал его дедушка Макар Айболитыч!

Деревенские уважали Васиного дедуню, а сам он обожал животных и ребятишек. И присказка у Айболитыча была найдобрейшая «зайцы-кролики».

- Ну что, зайцы-кролики, как карасик? Клюёт? – любопытствовал он у Никитки с Васильком, натянув вожжи и притормозив Воронка у мосточка. – Прыгайте в таратайку, поедем к Матвейчу. Карюха разрешилась. Эх, и хорош жеребёночек, зайцы-кролики!

Испокон веков на селе разводят этих самых кроликов. Тваринка плодовитая, не в пример лошади или корове. Да и ухода особого не требует. Какой уход? Летом - охалка молочника или клеверку, по осени – кочерыг капустных, да гарбузов полон сарай, зимой – сенца-овсеца, а уж по весне, глядишь, снова на травку. Но Васюткин дедушка кроликов упрямо не держал на подворье. А бабуля не настаивала.

- Чего на старости лет ломать свой норов? - Понимающе рассуждала она. Век прожил, курице голову не отрубил, животину по всей округе лечил... Ну, с

курами я и сама справляюсь, а вот кроликов, кто ж их забивать по осени станет? На деревне это мелочь, с такой просьбой по соседям не ходят. Кабанчика подколоть - ещё куда ни шло, Федьку Рыжего кличут, тут сноровка нужна. А кроликов - сами хозяйва справляются. Не надобно этого мому, не по нём это, - жалела она своего Макарушку.

В деревне кроликов оставляют под пригляд детворы. Василёк бегал то с Колькой, то с Никиткой за травой. Друзья позволяли ему подкинуть лопушков в клетки, погладить тёплые комочки. У Кольки трусята-простачки. Серенькие, беленькие, рябые, даже парочка чёрненьких. Никитки же отец раздобыл в прошлом году на ярмарке необычных - сами бежево-кремовые, а с брюшка кипельно-белые. И в два раза крупнее Колькиных. Никита давал их подержать, чтобы друзья почуяли, что значит «заводские тусы».

Возвращаясь домой, Василёк грустил. Давно уже был сложен в коробку из-под нового телевизора весь его игрушечный зоопарк. И родители, и бабушка, и дедуля Айболитыч с самого рождения заваливали Василька плюшевыми, резиновыми, тряпичными зверями. Среди них выделялся большущий в петельках-колечках медведь по прозванию Хари Ваныч. Родные долго размышляли над странной кличкой, которую далему Вася. Оказывается, это папа-медведь из сказки про Машу и трёх медведей - Михайло Иваныч.

Но больше всего у мальчишки зайцев. Василёк, услышав, как первый подаренный зайчишка пискнул: «Пия-пия!», окрестил его Пиюшкой. С тех пор штук пятьдесят пиюшек разных мастей занимали лучшие места на диване и кресле, на подоконниках и этажерках. Вясятка подрос, забросил игрушки, ему хотелось настоящего, живого кролика.

Наконец, бабуля сдалась и на именины, пошушукавшись с бабушкой, спозаранку смоталась к Китихе и принесла в фартуке два пушистых комочка. Поцеловав внучка и поздравив с днём Ангела, она выпустила на половичок у Васильковой кровати «ангорских трусиков». Китиха вязала из кроличьей шерсти носки-варежки, и бабы наперебой разбирали её нехитрый товар.

Васяткиной радости не было конца! Кролики уже ели травку. Мальчишка, не отпускал их ни на минуту. Василёк ходил к Никодимычу, тот сплёл небольшую плетушку, приладил даже крышку. Мальчишка днями таскал её за собой: и на речку, и в лапту-копырки играть. Даже спали они рядышком на табуретке.

К осени питомцы уже не могли вмещаться в корзинке. Вясятка выпускал их на двор. Поначалу «трусики» не отходили от мальчика, шныряли у ног. Но, освоившись, нырнули в сенной амбар, и были таковы. Сколько Василёк не выманивал, не звал их - без толку.

- Волюшки покушали, теперь, поди, сыщи! - всплёскивала руками бабуля.

Иногда Вясятке удавалось их всё же увидеть на бакше: то у морковных гряд, то в капустных лопушках. Шерсть ангорских кроликов из-за нырания-кувыркания в сене скаталась и повисла, как у бродячей болонки. А спустя несколько дней, Вася потерял питомцев из виду. Зато по деревне пошёл слух, что в Хильмечках, видно, расплодилось пропасть зайцев. Обнаглели до того, что огороды разоряют. У Меркулихи всю столовую свёклу порешили, у Сидоровых репку понадгрызли. А уж капустку - у всех понадкусили-попробовали.

Родные многозначительно молчали, а Васятка притих – тише воды, ниже травы. Когда Китиха, узнав и отловив в своих морковных грядках Васильковых трусят, заикнулась о возвращении, бабуля потихоньку от внука замахала руками.

- Господь с тобой Григоривна! Намаялись мы с ими.

Китиха, бабка бывалая, связала кроликам лапы и постригла, как овец, наголо. А как вновь пообросли и шерсти начесала, принесла задарма Васильку пуховые варежки.

На том бы Васяткины переживания и закончились. Но следующим летом «заячьи страсти» вспыхнули снова и приняли увлекательный оборот.

Май выпал на загляденье! Засверкали дни один краше другого. Сначала вишнёво-одуванчиковые, потом яблонево-черёмуховые и, наконец, после парных дождей брызнули по лугам да перелескам точь-в-точь, как Васяткины глаза, голубые колокольчики. Томлёной бабушкиной пшенкой рассыпались по косогорам кашки. Пролились-расплескались по балкам молочные ромашки. Вызолотились янтарями-лютиками лесные поляны. И запел-зазвенел сенокос!

Отец с дедуней день-деньской пропадали в лугах. Мама, поскорее управившись, торопилась им на подмогу: поворошить сено, снести из подвала холодненького кваску. А Василёк с бабулей оставались при хозяйстве: и гусеняток присмотреть, и рассаду капустную повтыкать, и обед-ужин состряпать.

Васятка подрос.

- Помощник ты мой золотой! – подхваливала хитрая бабуля.

А внучок, ответный на ласку, уж и старался: то цыпляткам рублётки (яичко с крапивкой да лучком зелёньким) посыплет, то морковку прополит, то кринки на горожу сушить вынесет.

Сидели они как-то с бабушкой на крылечке, пряжу овечью в клубки сматывали, своих дожидались. Подъехали их косари, распряг дедуня Воронка, прихватил комом телогрейку с телеги, идёт, лукаво улыбается. Развернул душегрейку-то, а из неё – прыг зайчишка-русачок. Крохотный, с дедов кулак.

- Что ж ты, старый, удумал? Сосунок ведь! От мамки оторвал! – возмутилась бабуля.

- Зайчихи нету больше ... под косу попала глупая, - с досадой выложил дедушка. – И у малого лапка подрана.

- Ну, вот тебе, Айболитыч, и пациент очередной, - бабушка усадила на колени и прикрыла фартуком обмершего зайчика.

Вечером дедуня вынул бинты-мази, лечить бедолагу. Василёк притащил коробку из-под маминых лаковых туфель, выпросил у бабули побитый молью шерстяной платок, которым она подвязывала поясницу. Закутав в него несопротивлявшегося зайчишку, уложил страдальца в коробку-колыбельку.

- Ну, матрёшка, да и только! - окрестил найдёныша Айболитыч.

- Спеленал? – поинтересовалась бабуля, а накормить забыл?

Подоив корову, бабушка принесла на блюде парного. Не тут-то было! Зайчишку тыкали носом, он фыркал, но лакать отказывался. Намучился и заснул впроголодь. А ночью то ли послышалось Васильку, то ли приснилось – всхлипывал. Наверно, болела пораненная лапка.

Проснулся Васятка – и к коробке, посмотреть, как Матрёшка переночевала (так и осталась за зайчишкой эта кличка). Распахнул пелёнки, а ребялёнка-то как и не бывало! Вася к бабушке, так, мол, и так, Матрёшка пропала. А бабушка приложила палец к губам, тише, мол, не шуми и манит к печурке.

Дунька, кошка Васяткина, приносила два раза в год по пяти котят. Четыре разномастные, а один непременно в неё – трёхцветный.

- Натё ж вам, на счастьеце, - подшучивала бабуля. - Ну, на этот раз осчастливим Митривну, загодя заказывала. У всех в деревне, жалуется, от вашей Дуньки счастье привалило, одна я, мол, разнесчастливая осталась, - бабушка подняла за шкуру и рассматривала очередное кошачье счастье. - Ишь ты, вылитая мамаша, пятнышко к пятнышку!

Вчера подросших котят раздали: два уехали с дедом Тимохой в соседнюю Лындовку, Колька с Митькой выпросили по одному, а заказной отбыл харчеваться к Митривне.

Целый день Дунька разыскивала запропастившихся котят. Подозревая, что осмелевшие шалуны разбежались по хате, она ласково мурчала, подзывала своих детей, заглядывала во все укромные уголки. Не один раз обошла комнаты: и в горнице - нет, и на кухне - нет, и в спальне – нет. Даже в чулан и в сени заглянула. И там нет!

Наконец, сообразила, что котят уже не найти, и, разобидевшись на весь белый свет, ушла на печь. Сосцы её разбухли от молока, она не спускалась есть, перебалывала.

И вот среди ночи вдруг жалобный писк. Дунька опять бросилась на розыски котят. У Васильковой кровати на табуретке обнаружила коробку. В ней кто-то копошился и пищал. Впопыхах, не разбирая, кого уносит, Дунька схватила тёплый комочек за шиворот, как когда-то носила собственных детей, и вспрыгнула с ним на печку.

А когда принюхалась и поняла, что украла вовсе не котёнка, было уже поздно, детёныш мирно посасывал Дунькино молочко, и стал для доброй кошки навсегда её котёнком.

И вот Василёк с бабулей приоткрыли занавеску... Довольная Дунька умывала Матрёшку. А та сыто причмокивала, тычась в кошкино брюхо.

- Умница, Дуняша, руки нам развязала. Что бы мы с зайчишкой делали? С голоду померла бы Матрёша.

Прошёл год. Дунька не отходила от своей приёмной дочки, а Василёк от них обеих. Закадычную тройцу везде видели вместе. Сидят на ручье, рыбачат. Дунька, правда, всё в толк никак не берёт, почему Матрёшка ни пескарей не ест, ни за лягушками не бегают и от мышей отказывается. Всё бы ей, Матрёшке, за кузнечиками по травке прыгать, да за бабочками гоняться. Невдомёк Дуняшке,

как это Матрёшка травой лакомится. Что она в ней вкусного находит? Трава – она и есть трава!

Живность на подворье зайчишку признала. Никто не обижал. Да кто ж осмелится Дунькиного детёныша обидеть? С нею лучше дело не иметь: когти острые, клыки крепкие. Даже Лентяй, Васяткин пёсик, обходил Дуняшку с дочкой стороной. Мало ли чего мамаше взбредёт! Индюк, правда, гнусавил издали, мол, приболудились тут всякие. Самим места не хватает! Но шикнет кошка на вредину, и тот подберёт сопли, приумолкнет.

Спали Дуняшка с приёмной дочкой всегда на печке. И вдруг обнаружилось как-то, не пришла Матрёшка на ночь. Дуня на месте, а дочки нет.

И на утро нет... И на завтра нет... И через неделю нет...

Затосковал Василёк, думал, никогда уже с Матрёшкой не свидится.

- Не тужи, внучок. В лесу-то ей лучше. Лес для зайчихи – дом родной. У нас-то она, что не говори, в гостях жила, - подбадривала Васю бабушка.

- Выросла Матрёша, в места родные потянуло, уж два месяца, как нет. Теперь привыкла. - Объяснял дедуня Айболитыч.

А Васятке от их объяснений не легче. Заберётся на печь к Дуняше, обнимет её и лежит, томится.

Только стал он примечать, не очень-то кошка о дочке своей печалится. Играли как-то Васятка, Колька и Никитка на лавочке в шашки. Смотрят: вышла кошка с крыльца и - под сарай, раздвинула сено и куда-то нырнула. Ребята шасть за ней. Прямо остолбенели – глубоко в сене то ли лежбище, то ли нора. В ней – Матрёша с двумя крохотными зайчатами. А рядом – Дуняшка. Всех троих облизывает, мурчит.

- Вишь ты, привыкла как, зайцы-кролики! Доверяет нам. Ушла, а с выводком опять на двор вернулся, под защиту значит, - растолковал Айболитыч.

- Дедунь, а может, она и не уходила вовсе, жила себе, да жила в этой норе.

- Может, и так, у Дуняшки расспроси.

Зиму прожила Матрёша в сенном сарае со своим семейством. А по первой травке увела окрепших зайчат в лес. Теперь уже навсегда. Дуняша стала пропадать где-то днями.

- В гости к Матрёше похаживает, внучков отведывает, - шутил дедуня Айболитыч.

Однажды возвращались Василёк с бабулей из лесу, за грибами ходили, смотрят: на опушке под кривой сосной кошка их сидит, а рядом – три взрослых зайца – Матрёша и её дети. Сидят, о чём-то о своём шепчутся. Обошли их стороной Васятка с бабушкой, не к чему тайны семейные подслушивать.

А зимой катались мальчишки на лыжах вдоль Ярочкина лога. По свежему снегу столько заячьих следов! Поди, разбери теперь, где Матрёша, где дети её наследили. А может у Матрёши и внуки уже есть?

Об этом, наверно, знает Дуняша.